

ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Особенности развития и основные
методологические проблемы
исторической антропологии в
Германии в 90-е гг.

Книга: Историческая антропология

Лекция: Особенности развития и основные методологические проблемы исторической антропологии в Германии в 90-е гг.

Автор лекции: Алия Масалимова

Цель: Выявить особенности формирования научной дисциплины в Германии, в восьмидесятые – девяностые годы прошлого века.

Прежде чем приступить к обзору современных исследований в области исторической антропологии в Германии, выделим три важных момента, о которых пишут исследователи, занимающиеся проблемами современной исторической антропологии.

Во-первых, повышенный интерес к исторической антропологии в Германии связан с новыми целевыми ориентирами немецкой исторической науки. Наряду с традиционными аспектами общей политической и структурной истории, объектом которой выступает история общества, значение приобретают история быта и менталитета, в их поле зрения – конкретный человек, его повседневные потребности, его деятельность в рамках социально-культурных, экономических и политической процессов.

Во-вторых, сотрудничество на стыке наук и дискуссии вокруг теоретических гипотез, привели к значительному приросту знаний. Труды таких исследователей как Макс Вебер, Норберт Элиаса, Мишель Фуко, Пьер Бурдьё оказали большое влияние на формирование новой исторической науки – «исторической антропологии» и нового понимания истории. Гораздо сложнее стало очерчивать грани, отделяющие историческую антропологию от социологии, фольклористики, от антропологии и этнологии.

В-третьих, историко-антропологические исследования в Германии многообразны, при этом они не содержали в себе ярко выраженные уникальные черты. Уровень подобных исследований в Германии заметно отставал от других европейских стран.

Безусловно, отмечают критики, имеется ряд прекрасных сочинений, претендующих на историко-антропологическую постановку проблем, однако нет ни одной специальной монографии, вокруг которой велась бы дискуссия, способная привлечь интерес исследователей. Немецкая историческая наука не представила ни одного крупного труда, которые могли соперничать с классическими произведениями англичан Томсона и Берка, французов Арье или Вовеля и Дюби, американки Дэвис и итальянца Гинзбурга.

Но, как пишут критики-эксперты, преимущество немецких исследований, и это всеми признается, заключается в развитии социально-исторической науки, но не в сфере исторической антропологии.

Заметным событием в германской историографии 90-х годов стал выход монографий Ханса Медика и Юргена Шлюмбома, написанных в рамках микроистории. Содержание исследований этих двух авторов восходит к идее проекта 70-х годов по изучению протоиндустриализации.

Как упоминает Ю. Шлюмбом, в рабочих тетрадях их группы уже тогда речь шла о применении микроанализа. Эмпирическая проверка теоретической модели «протоиндустриализации», выдвинутой в 1977 году Х. Медиком, Ю. Шлюмбомом и Петер Кридте, потребовала многолетнего труда и только в 90-х годах стали издаваться фундаментальные произведения.

В учебнике российского исследователя Михаила Крома подробно излагается содержание монографии Х. Медика. Предметом своего специального исследования Ханс Медик выбрал Лайхинген – небольшой населенный пункт в Вюртемберге, в горах Швабской Юры, примерно в 50 км к юго-востоку от Штутгарта.

У монографии выразительное название – «Ткачество и выживание в Лайхингене, 1650-1900. Локальная история как история всеобщая», по замыслу она напоминает работы французских ученых из школы «Анналов», созданные в духе «тотальной» истории.

Немецкий ученый детализированно собрал сведения и реконструировал биографии всех жителей Лайхингена на протяжении двух с половиной веков, изучил экономическое и демографическое развитие этого поселка ткачей. Отдельные главы посвящены манере одеваться, одежде как показателю социального статуса, а также книжной культуре и религиозности лайхингенцев.

Очень интересный материал содержит глава о традициях чтения и лютеранском вероисповедании в Лайхингене XVIII – начала XIX века. Немецкий историк в своей монографии показывает, что вопреки теории модернизации и общепринятым представлениям о способах распространения грамотности лайхингенцы относились к книге как особой ценности и собирали довольно значительные по тому времени домашние библиотеки. Среднее количество книг в домах лайхингенцев в середине XVIII века было примерно таким же, что и в университетском городе Тюбингене, а во второй половине XVIII века жители этого «отсталого» поселка были даже богаче книгами, чем население «культурной столицы Швабии», – описывает немецкий ученый быт жителей Лайхингена.

Х. Медик описывает по аналогии с веберовским вариантом протестантской этики – лайхингенский тип религиозности на основе анализа книг в сельских домашних библиотеках. Традиционно ее составляли молитвенники и назидательно-успокоительная литература, которая отражала особенности местного, вюртембергского, пиетизма. Лайхингенский тип религиозной ментальности акцентировался на принципах

Книга: Историческая антропология

Лекция: Особенности развития и основные методологические проблемы исторической антропологии в Германии в 90-е гг.

Автор лекции: Алия Масалимова

благочестия, трудолюбия и терпения, но, в отличие от веберовской модели, не был нацелен на экономический успех и никак не способствовал утверждению духа капитализма и протокапиталистических структур.

Случай Лайхингена, отмечает Медик, конечно, не типичен для Европы, но для Вюртемберга он вполне значим и может быть охарактеризован термином «нормальное или обыкновенное исключение», принадлежащим Эдоардо Гренди. Значение подобных случаев в том, что они позволяют обнаружить возможности, остающиеся в тени при использовании усредненного макроисторического подхода. Между тем в переходные периоды как раз такие исключения и были нормой.

12. Рассмотрим в качестве еще одного примера книгу Юргена Шлюмбома о церковном приходе Бельм под Оснабрюком на северо-западе Германии в XVII-XIX веках. Этот труд также представляет собой опыт локальной микроистории, не претендующей, однако, в отличие от работы Медика, на «тотальность». Скорее он сфокусирован на изучении нескольких взаимосвязанных проблем: социального неравенства, домашнего хозяйства и семейных стратегий в деревенском сообществе.

Ю. Шлюмбом на основе реконструирования биографии и семейно-родственных связей жителей Бельма за два столетия, пришел к важному выводу о значимости и сохранении традиции родства в крестьянской среде не только в XVIII, но и в XIX веке. А также показал, что традиционные представления об эволюции семьи от большой патриархальной к нуклеарной семье оказались несостоятельными. И говорить о резком классовом противостоянии хозяев-богачей и бедных батраков в деревне тоже нельзя. Между ними существовали связи по типу «патрон - клиент», в которых имущественное неравенство было скрыто за системой межличностных взаимоотношений.

Согласно замечанию Мартина Дингеса, сторонника исторической антропологии и истории повседневности в Германии не удалось пока предложить альтернативу «исторической социальной науке», поскольку они в явной или скрытой форме зависимы от объяснительных моделей и теорий, сформулированных представителями билефельдской школы.

Например, в трехтомном труде Рихарда ван Дюльмена по истории германской повседневности в раннее Новое время изменения объясняются с помощью ссылок на процессы цивилизации, секуляризации, утверждения рыночных отношений и т. п.

Германские микроисторики осознают эту опасность: в своих исследованиях Х. Медик и Ю. Шлюмбом оспаривают универсальность и однонаправленность таких процессов, как распространение грамотности, эволюция форм семьи, индустриализация и т. п. Однако взамен они не могут предложить каких-то иных обобщающих моделей и потому, даже отрицая построения исторической социальной науки, обнаруживают негативную зависимость от нее.

Георг Г. Иггерс справедливо отмечает, что в своих конкретных исследованиях германские микроисторики гораздо ближе к более традиционной социальной истории, чем в своих программных заявлениях. Они, например, прибегают не к «плотному описанию», рекомендованному Клиффордом Гирцем, а к компьютерной обработке обширных статистических данных, и работают с концептом модернизации, подчеркивая его издержки. И этим объясняется то, что процитированный выше призыв Х. Медика к освобождению от «центристской перспективы» в истории так и остается пока благим пожеланием.

В предыдущей лекции я уже отмечала, что в Германии понятие «историческая антропология» в настоящее время не обозначает какое-то одно, определенное направление; скорее оно имеет собирательное значение, объединяя ряд родственных подходов и направлений: история повседневности, микроистория, история менталитета, история культуры и т. д. Этот плюрализм нашел отражение в журнале «Историческая антропология: Культура. Общество. Повседневность», выходящем с 1993 г. под редакцией Р. Ван Дюльмена, А. Людтке, Х. Медика и М. Миттерауэра. Там наряду с программной статьей К. Гинзбурга о микроистории публиковались работы по «женской истории», семиотике, истории кино и т. д. Еще более разнообразными и то же время разнородными были материалы, размещаемые на страницах другого журнала по исторической антропологии - «Paragana», издаваемого с 1992 года научно-исследовательским Центром исторической антропологии Свободного университета Берлина под редакцией Кристофа Вульфа

Естественной реакцией на постоянно растущее количество публикаций по исторической антропологии при все большей размытости ее концептуальных рамок явились недавние попытки систематизации того, что уже написано о ней. Одну из версий представил венский историк Герт Дрессель. В объемистом томе под названием «Историческая антропология. Введение» он собрал всевозможные мнения, относящиеся к проблеме «Человек в истории».

Как отмечали критики, «получился калейдоскоп из цитат, принадлежащих исследователям из разных стран, придерживающихся совершенно разных точек зрения в отношении вопроса о сущности

Книга: Историческая антропология

Лекция: Особенности развития и основные методологические проблемы исторической антропологии в Германии в 90-е гг.

Автор лекции: Алия Масалимова

исторической антропологии. Эти цитаты группируются вначале в тематические рубрики: семья, родство, стадии жизни и т. п. Затем в отдельные характеристики исторической антропологии: «культура» как ее центральное понятие, междисциплинарность и др. В книге отсутствует какая-либо авторская позиция, позволяющая упорядочить все это хаотическое разнообразие».

Принимая в расчет радикальные перемены в современных гуманитарных науках, отметим, что феномен антропологии задал качественно новые черты и стандарты, поскольку нацелен на расширение пределов традиционного познания.

Немецкие учёные часто использовали при характеристике «новой гуманитарности» образ научного дома, имеющего много дверей, через которые в него можно входить; много помещений, которые делают это здание жилым; много окон, которые открывают взору различные пейзажи. В этом доме представляются уместными и необходимыми также некоторые пристройки и перепланировки, вытекающие из готовности учёного к встрече с неизведанным, из его умения преодолевать стереотипы. Центральный салон, связанный со всеми остальными помещениями, такое пышное строение всё же имеет и проживает в нём «госпожа Антропология», ибо в фокусе её внимания не просто человек как таковой, а динамичное смешение взаимосвязей его с окружением.

Венский историк Герд Дрессель представляет историческую антропологию в виде большой комнаты, в которую можно войти различными путями, но все-таки речь идет об одной комнате, где не только пересекаются интересы множества дисциплин, но и открываются перспективы преодоления конфликтов между ними. Иначе говоря, очень сложно очертить четкие границы и вычлнить строгую предметную область исторической антропологии. Поскольку ее отличает междисциплинарность и тесная связь на стыке социальных и гуманитарных наук.

По мнению других исследователей, более систематическим выглядит аналогичный обзор, написанный Рихардом ван Дюльменом. По существу, читателю предлагается краткий очерк становления и развития исторической антропологии в Германии и других немецкоязычных странах. Однако, опять-таки автор не излагает и не предлагает своего видения и собственной оригинальной концепции этого направления.

Другие эксперты, констатируя терминологическую нечеткость исторической антропологии, пытаются заменить ее в качестве нового ориентира для антропологически ориентированной социальной истории. Например, Райнхард Зидер - историк, специалист в области одной из отраслей социальной истории – «исторического исследования семьи», сотрудник Института экономической и социальной истории в Вене, справедливо отмечал, что концептуально историческая антропология ничем не отличается от истории повседневности. По его словам, историческая антропология не является «ясно очерченным научным полем в смысле дисциплины или субдисциплины исторических наук». В этой связи он предложил в качестве методологической альтернативы использовать термин «историческая наука о культуре».

Райнхард Зидер в работе «Социальная история семьи» обращает внимание на то, что структура рабочей семьи прямо противоположна так называемой буржуазной. Сравнивая, можно увидеть строгое разделение частного пространства семьи от работы мужчин, порождающее идею «естественного различия» нравов и склонностей у обоих полов. Защиту детей от «вредного влияния улицы», а отсюда индивидуализм и презрение к низшим классам, не способным обеспечить это. В отношении морали признается «законный брак» вместо свободной любви. «Рабочие семьи» - это «открытые семьи», когда углы, койки, а то и комнаты всё время сдаются чужим людям, с которыми надо уметь уживаться, отсюда коллективизм (Ленин в Европе как раз жил в таких семьях рабочих). Либо «кочевое жильё» при отсутствии частного пространства как дома, так и на улице, отсюда стремление к социализации быта и т.д.

Молодые люди, парни и девушки, как правило, создают традиционные семьи, с типичным для них угнетением женщин и не лучшим положением детей. К тому же традиционные семьи максимально страдают при безработице, кризисах и других социальных катаклизмах: мужчины деградируют, женщины надрываются. И, как делает вывод Райнхард Зидер, требование освобождения женщины при социализме, то есть все лозунги коммунистического и социалистического движения выросли не из абстрактных идей, а вполне из реальных нужд рабочего класса. Эти лозунги распространялись на всё общество по мере того, как рабочий класс собственной борьбой подрывал и «социализировал» капитализм, а в ряде стран и сокрушил вовсе, создавая бесклассовое общество.

Здесь необходимо отметить интересный факт, что в описываемый период (конец XVIII - XX вв.) женщина была угнетена и в рабочей, и в буржуазной, в частности, мелкобуржуазной, семье, но очень поразному.

В первом случае (в рабочей семье), женщины надрывались наравне с мужчинами на производстве,

Книга: Историческая антропология

Лекция: Особенности развития и основные методологические проблемы исторической антропологии в Германии в 90-е гг.

Автор лекции: Алия Масалимова

вместе с тем выполняя домашний труд, плюс обхаживание/обслуживание своих мужчин в процессе подготовки их к работе. Как бы то ни было, женщины испытывали двойной гнет и не могли достигать реального равенства даже путем участия в общей борьбе, где они выступали и инициаторами и лидерами.

Во втором - в так называемых буржуазных семьях это проблемы неполноправия в семье и несчастья в браке. В качестве примера Р. Зидер приводит интересный небольшой отрывок из автобиографического произведения известной танцовщицы того времени Айседоры Дункан «Моя жизнь. Моя любовь». Позволю себе и я процитировать довольно объемный фрагмент текста.

«Я никогда не видела отца, - признается Дункан, - так как мать с ним развелась, когда я была еще грудным ребенком. В возрасте семи лет впервые его увидела и, время от времени встречаясь с отцом, узнала, что он поэт, и научилась его ценить. Среди его произведений находилось одно стихотворение, которое заключало в себе как бы предсказание всей моей карьеры». Далее Дункан пишет: «Я передаю отрывки из биографии моего отца, потому что эти впечатления ранней молодости оказали огромное влияние на мою последующую жизнь. С одной стороны, я насыщала ум чтением сентиментальных романов, тогда как с другой у меня перед глазами был живой пример брака на практике. Над всем моим детством, казалось, витала мрачная тень загадочного отца, о котором никто не желал говорить, и страшное слово «развод». Я пыталась сама найти объяснения всему этому, так как никого не могла расспросить».

На Айседору Дункан, сильно подействовала несправедливость по отношению к женщине. «Примерно в возрасте 12 лет я решила, что буду жить, чтобы бороться против брака, за эмансипацию женщин и за право каждой женщины иметь одного или нескольких детей по своему желанию и отстаивать свои права. Для двенадцатилетней девочки приходиться к таким выводам кажется очень странным, но жизненные условия рано сделали меня взрослой. Я стала изучать законы о браке и была возмущена, узнав о том состоянии рабства, в котором находились женщины. Я стала вглядываться в лица замужних женщин, подруг моей матери, и на каждом почувствовала печать ревности и клеймо рабы. И тогда я дала обет, что никогда не паду до состояния такого унижения, обет, который я всегда хранила, несмотря на то, что он повлек за собой отчужденность матери и был неправильно понят миром. В настоящее время, насколько мне известно, эти взгляды более или менее разделяются всеми свободомыслящими женщинами, но в то время отказ выйти замуж и примеры отстаивания права женщины рожать детей вне брака порождали крупные раздоры» - конец цитаты.

Безусловно, в традиционной семье, идущей из докапиталистических формаций, с властью домохозяина, освященной религией и правом собственности, угнетены не только женщины. Райнхард Зидер показывает, что была ещё одна категория - это мужчины, которым отказывали в правах по той же самой причине, что женщинам, а именно «избыточная эмоциональность», «несамостоятельность ума», «неспособность себя контролировать, нужда в защитнике» и пр., подаваемые как естественные склонности. Это прислуга, живущая под крышей хозяина, и подмастерья. Только после долгой борьбы эти люди добились политических прав буквально до того момента как они были получены женщинами в Центральной Европе к началу XX века, а в Восточной Европе и на Балканах – только после 1945 г.

Поэтому, делает вывод Зидер, господство, основанное на праве собственности: угнетение бедных богатыми в целях эксплуатации есть причина. А угнетение женщин мужчинами, нацменьшинств титульной нацией – следствие, но не наоборот.

Таким образом, через описание истории семьи Зидер пытается показать перипетии исторической ситуации в зависимости от социально-политических коллизий того или иного периода. Тем самым еще раз отказывая исторической антропологии в ее самостоятельности, предметной состоятельности и подчеркивая ее идентичность с историей повседневности.

В поддержку тезиса об отсутствии у исторической антропологии собственной парадигмы высказывался и Мартин Дингес, также подчеркивая ее схожесть с культурной историей повседневности. И тем самым уже на пороге XXI века, исследователи констатируют начало нового витка дискуссий германских историков, на этот раз они разворачиваются вокруг целей и содержания этой новой науки как науки о культуре.

Основные термины

Протестантская этика, «лайхингенский» тип религиозности, социальные истории семьи, «новая гуманитарность».

Книга: Историческая антропология

Лекция: Особенности развития и основные методологические проблемы исторической антропологии в Германии в 90-е гг.

Автор лекции: Алия Масалимова

Дополнительные ресурсы по теме лекции

1. Пфедфер Г. Антропология в ФРГ: возможности выбора // Агиографическое обозрение. 1993. № 2;
2. Вульф К. Антропология. История, культура, философия. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2008. - 280 с.. 2008
3. Зидер Райнхард. «Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII — XX вв.)». - М., 1997
4. Рихард ван Дюльмен Историческая антропология в немецкой социальной историографии/ THESIS, 1993, вып. 3, (Перевод В.И.Рубцова)
5. Прошлое - крупным планом: Современные исследования по микроистории. СПб.: Европейский университет в СПб.; Алетейя, 2003. 268 с.